

ГИПОТЕЗЫ. ДОГАДКИ.
ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Кабинет в Болдине

КАК ИЗВЕСТНО, Пушкин был прекрасным рисовальщиком. Головки, профили, целые фигуры, набросанные его «быстрым карандашом», теснят стихотворные строки, появляясь на полях, перерастая иногда в сложные композиции. Загадка пушкинских рисунков, атрибуции некоторых портретов посвящено немало работ, в том числе книги А. Эфроса и Т. Цявловской, безусловно, самых серьезных исследователей графики поэта. Пушкина-художника привлекали прежде всего люди. Но есть в его изобразительном наследии и рисунки другого жанра — интерьерные. Некоторые из них имеют ценность исторического документа для биографии поэта — они рисованы с натуры и донесли до нас реальную обстановку, в которой он жил и работал. Об одном таком рисунке, сделанном в Болдине в 1830 году, и пойдет речь.

Вот как описывает его А. Эфрос: «Угол кабинета: письменный стол с античным бюстом, рукописями, книгами и т. п.; книжная полка; внизу — начатый портрет П. В. Нащокина».

Определяя профиль внизу листа как портрет П. Нащокина, автор объясняет это некоторым иконографическим сходством, а также тем, что в это время мысли Пушкина были заняты его московским другом. (Например, в письме к Верстовскому он писал: «Скажи Нащокину, чтоб он непременно был жив... (сви-репствовала холера. — Л. П.) если он умрет, не с кем мне будет в Москве молвить слова живого, то есть умного и дружеского»).

Иначе атрибутирует рисунок Т. Цявловская:

«Это — зарисовка с натуры того, что он видел, поднимая голову от рукописи. (Писал он за другим столом.) Стол... книги и бумаги... За столом — полка с книгами, скульптурный бюст. Послушно повторены в рисунке свисающий со стола уголок листа, кривые линии книжной полки... В доме не было, по-видимому, книжных шкафов... Зато сохранялась в доме скульптура — голова Наполеона (или античная голова), привезенная, вероятно, еще отцом поэта или Василием Львовичем. Бюст поставил Пушкин спиной, чтоб он не отвлекал его от работы. Неопытность, неумение передать в графике пространство, перспективу делает то, что одному... бюст кажется стоящим на столе, другому — на полке.

Этот пассивный рисунок, сде-

ланный с натуры, — редчайший случай в рисунках Пушкина!

Тут всплыл в сознании Булгарин... Тяжелый нос, толстая нижняя губа, полуоткрытый рот, высоко поставленные короткие брови, мешки под глазами...»

Исследовательница объясняет свою версию тем, что незадолго до этого — весной и летом 1830 года — в «Северной пчеле» появились критические статьи Ф. Булгарина на Пушкина, и поэт, обдумывая ответную статью, которую он тогда писал, рисует в нижней части листа профиль своего противника.

На наш взгляд, такая версия более вероятна, чем предположение А. Эфроса, что это Нащокин, хотя на портрете мы не видим характерного булгаринского мясистого крупного носа, как на рисунке С. Дица, пастели И. Робиляра и других его изображений. Но рисунок не окончен, и видно, что А. Пушкин подправлял именно линию носа, а форма головы, лицо, глаза (о чем говорит и Цявловская) действительно чрезвычайно похожи.

Но гораздо больше нас интересует верхний профиль, который определяется обычно как «античный бюст», «Наполеон». Изучив иконографию пушкинского окружения тех лет, мы берем на себя смелость выдвинуть иную гипотезу.

Это не «античный бюст». Это — портрет. С Наполеоном, на наш взгляд, здесь нет ничего общего. Пушкин не раз рисовал его профили, но этнический тип лица там был совершенно другой, с иной по форме горбинкой носа. Впечатление же, что это «бюст», то есть скульптура, возникло потому, что голова внизу касается предмета, имеющего строго горизонтальную поверхность: коробка, стопка бумаг или рукописи: «Бюста», собственно говоря, нет, так как шея, грудь, даже рот и подбородок не видны.

Итак, предполагаем, портрет. Но чей же?

Круглая голова с короткими редкими волосами, большое ухо; крючок носа, резко выступающего из-под крутого лба; высоко поднятая бровь, глаз, кажущийся почти закрытым, сонным.

Эту оригинальную голову Пушкин начал рисовать первоначально правее: за вертикальной линией висящей полки книг намечен абрис, совершенно сходный по форме и размеру

с тыльной стороной головы «бюста». Затем профиль «передвинулся», но влево, тогда как правее для него было бы значительно больше места! При таком расположении голова стала «подпирать» полку книг, а для рта и подбородка не осталось места, они «ушли» за коробку с бумагой. Но, очевидно, именно такая композиция: «подпереть» головой полку книг и «посадить» ее на бумаги (рукописи?) была для Пушкина важнее законченности очертаний лица.

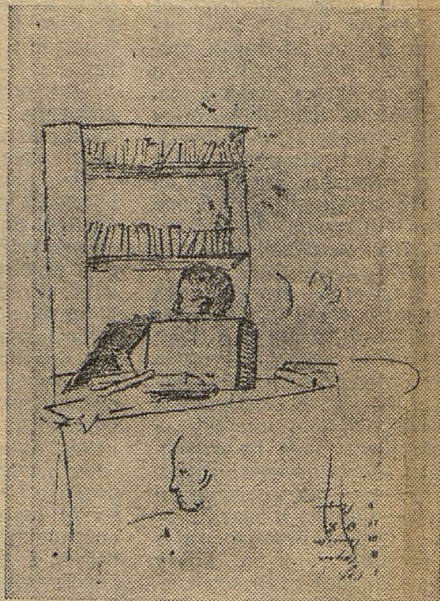

Рисунок А. С. Пушкина (чернила). Ноябрь 1830 г. Болдино.

И. М. Снегирев. Рисунок Н. А. Шохина. Собрание ГИМ.

И. М. Снегирев. Рисунок Н. А. Мартынова. Собрание ВМП.

Здесь, несомненно, таился какой-то смысл.

Теперь сравним пушкинский рисунок с документальными изображениями И. Снегирева. Оба сделаны с натуры Н. А. Шохина и Н. А. Мартыновым, оба профильные, повернутые в левую сторону, как и рисунок Пушкина, так что сравнивать их легко. На наш взгляд, сходство поразительное. Те же черты лица, включая необычайно высокую бровь и сонный взгляд полуприкрытых глаз.

Нам кажется, что на всех трех рисунках изображено одно лицо — московский цензор И. М. Снегирев. Видимо, настроение Пушкина, когда он набрасывал этот рисунок, было нерадостным. Подумав о Булгарине, поэт, по аналогии, возможно, вспомнил и другого своего недруга, с которым «воевал»

отъезда в Болдино). Пушкин имел все основания предвидеть его цензуру и в дальнейшем.

Мыслительный ход Пушкина не прост: в основе — зарисовка с натуры обстановки и предметов. В бытовую реальную среду включены условно два портрета. Это его недруги: неумный, завистливый критик и придирчивый педант-цензор. И рукописи на столе — между этой «Сциллой» и «Харибдой». Символический смысл композиции очевиден: все, что написано в Болдине, подвластно цензурской «голове» и подстерегаемому продажным фельетонистом. Думается, что это далеко не «пассивный» рисунок, а интересная, образная, внутренне емкая композиция.

И если принять именно такое ее толкование, то здесь найдется подтверждение мысли, выска-

занная еще Т. Цявловской, об одной интересной особенности пушкинских рисунков: «...Органические черты пушкинской графики роднят его изобразительное искусство с эстетикой нашего века». Лаконичность и выразительность, свобода, с которой поэт соединяет реальные и условные элементы, какая-то особенная ироничность, которой он умеет тонко подчеркнуть смысл изображения, — все эти элементы совершенно «укладываются» в специфику художественного мышления нашего столетия. И «кабинет в Болдине», как мы условно назовем рассматриваемый нами рисунок, еще одно тому свидетельство.

Л. ПЕВЗNER,

старший научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи